

НРАВСТВЕННО-ЭТИЧЕСКИЙ КОДЕКС УЭРКЪ ХАБЗЭ В АДЫГСКОЙ НАРОДНОЙ АФОРИСТИКЕ

Хагожеева Лиана Славовна, младший научный сотрудник сектора адыгского фольклора Института гуманитарных исследований – филиала Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук» (ИГИ КБНЦ РАН), liana1771@mail.ru

На современном этапе развития фольклористики проблема рассмотрения пословицы в контексте ее взаимодействия с явлениями традиционной культуры, как формы и способа реализации основных мировоззренческих установок народа, становится все более актуальной. В народной афористике представлен нравственный, моральный опыт народа в характерной для фольклора выразительной художественной словесной форме. Легко запоминающиеся благодаря строгой звуковой организации, выразительности и образности, нравственные формулы и рекомендации, содержащиеся в пословицах и поговорках особенно актуальны сейчас, когда на фоне нравственного упадка последних десятилетий пробуждается интерес к возрождению лучших традиций народной культуры.

Задача данной работы обратить внимание на позитивные нравственно-этические установки, мировоззренческие принципы, лежавшие в основе образа жизни адыгских военно-аристократических сословий.

В исследовании учитываются жанровые свойства пословицы: многозначность, зависимость от ситуативного контекста употребления, а также способы и формы воплощения в них мировоззренческой информации. Основное внимание обращено на формы художественного отражения дворянского нравственно-этического кодекса уэркъ хабзэ в пословицах и поговорках.

Ключевые слова: фольклор; пословицы; поговорки; адыгское феодальное общество; нравственно-этические принципы и нормы.

Сложное взаимодействие исторических, мировоззренческих, нравственно-этических факторов способствовало формированию у адыгов особой, рыцарской по своей природе воинской и светской культуры, нашедшей воплощение в системе нравственно-этических установок и принципов *адыгагъэ* – адыгство, *уэркъыгъэ* – дворянство. Они реализовались в правилах адыгского этикета – *адыгэ хабзэ*, а также в его усложненной версии – *уэркъ хабзэ*.

Законы и установки «адыгэ хабзэ», поддерживали и регулировали воинские, рыцарские по своей природе правила межличностного и общественного поведения, которые распространялись на все слои адыгского общества, выступали в качестве его организующего стержня, но особую неукоснительную силу имели в дворянской, уоркской и, конечно же, княжеской среде.

Отношения князей и дворян-уорков внутри сословной группы и вне ее регулировались нормами обычного феодального права, дополненными установками этического нормативного комплекса *уэркъыгъэ* – рыцарская этика, или рыцарский моральный кодекс, и сформированной на его основе системе правил – *уэркъ хабзэ* – рыцарско-дворянский этикет, типологически сходный с японским кодексом чести самураев – *бусидо*.

Создателями и носителями высоких идеалов рыцарского морального кодекса были уорки, главной обязанностью которых считалось верное служение князю.

По свидетельству Б.Х. Бгажнокова, это было внутренне организованное и сплоченное сословие воинов, напоминающее во многом индийских кшатриев и японских самураев. По его мнению, профессиональными воинами были также и князья – пши и тлекотлеши. Подобно сегунам в Японии, они считались элитой адыгского воинства и рыцарства. [Вопросы... 2019: 60].

Исходя из вышеизложенного, дворянский этикет – уэркъ хабзэ, характеризуется более жесткими, усложненными и утонченными требованиями в его реализации. Это свод юридических и моральных норм и установлений, основная направленность которого – формирование и поддержание лучших черт личности индивидуума, его достоинства, самоуважения, уважения к ближнему; создание комфортных условий взаимного обхождения.

Адыгское феодальное общество формирует как в области этических институтов, так и в других культурных сферах некую параллельную, символическую шкалу общекультурных ценностей («социально-символический параллелизм») поднимающую общезначимые явления на новый, качественно более высокий уровень. Существование в нравственно-этической сфере двух различных, «параллельных» параметров требований и оценок (*адыгэ хабзэ/уэркъ хабзэ*) служит одной из характеристик, определяющих специфику адыгской этнической культуры.

Эту двухуровневую шкалу нравственно-этических ценностей в адыгском фольклоре объективируют пословицы и поговорки, разграничивая их на общеадыгскую и «аристократическую». Первые опирались на принципы общие для всего общества и были одинаково значимы, вне связи с сословными и материальными факторами. Однако, в аристократической среде, где понятие «уэркъыгъэ» – «дворянство», означало высшую степень соответствия идеальному образу адыгского воина-рыцаря, эти принципы проявлялись в более строгой и совершенной форме.

Примером реализации «параллельной» системы нравственных ценностей, функционировавших в адыгской традиционной культуре могут быть пословицы, существующие в двух вариантах: *Лы здашэ цIэупцIэркъым*. – «Мужчина не спрашивает, куда его ведут». *АдыгэлI здашэ цIэупцIэркъым*. – «Адыгский мужчина не спрашивает, куда его ведут». *Уэркъ здашэ цIэупцIэркъым*. – «Дворянин не спрашивает, куда его ведут» [Адыгэ... 1994: 60]. Так, уорк Мартина из рода Кошроко, который был зван ехать вместе с компанией всадников предпочел отправиться в путь и погибнуть, чем опозорить свое имя отказом. *АдыгэлI хашэркъым*. – «Адыгский мужчина тайны не разглашает» и *Уэркъ хашэркъым*. – «Уорк тайны не разглашает» [Адыгэ 1994: 60]. Принцип «уэркъ хашэркъым» в основе поступка Гудаберда из рода Азепш, героя песни и предания. Указанные пословицы также могут быть примером высокой степени требовательности в исполнении адыгского нравственно-этического кодекса.

Произведения фольклора, во всех его жанровых проявлениях, в частности, пословицы и поговорки, в полной мере отобразили всю сложную систему нравственно-этических и в целом, мировоззренческих норм, рыцарских правил и установок, организовывавших традиционный образ жизни адыгских военно-феодальных сословий.

В частности, в них нашли отражение высокая способность адыгской аристократии строго следовать правилам и нормам дворянского этикета, а также оценка той роли и места, которое они занимали в иерархии нравственно-этических ценностей, в качестве эталона поведения в различных ситуациях.

Определенный пласт пословиц и поговорок указывает на происходившие социально-экономические процессы и межсословные противоречия внутри различных групп адыгского традиционного общества.

Исходя из вышеизложенного, пословицы, воплотившие в себя комплекс нравственно-этических норм и правил кодекса *уэркъ хабзэ* – дворянского этикета, условно можно разделить на три группы:

1. Пословицы, призывающие к способности следовать правилам и нормам аристократического этикета.
2. Пословицы, императивного плана, побуждающие к действиям определенного характера.
3. Пословицы, отражающие социально-экономические противоречия и конфликты внутри различных сословий адыгского традиционного общества.

1. Пословицы, призывающие к способности следовать правилам и нормам аристократического этикета

Принципы и установки нравственно-этического кодекса *адыгэ хабзэ* – адыгского этикета обладали высокой значимостью и особым колоритом в адыгском традиционном обществе, как в современном обществе имеют свою силу закон и конституция. Это находит свое подтверждение в пословице: *Захуэм хабзэр и тельхьэц* – «[Тот], кто прав – опирается на хабза (этикет)» [Адыгэ... 1994: 97].

Отрицание или незначительное отступление от правил и норм кодекса чести «*уэркъ хабзэ*» могло стать роковым для дворянина-уорка. Случай явного нарушения непременно выносился на общественный суд, а если проступок оказывался вопиющим, по мнению общества, уорка могли наказать переводом из первостепенных дворян на более низкую ступень. В ряде случаев, могли даже лишить дворянского звания. К статусу *адыгэ/уэркъ хабзэ* относились настолько серьезно, что из-за несоблюдения его правил лишались звания даже князя (*пцы*), которые выступали в качестве эталона и гаранта в следовании правил адыгского этикета и регулировали спорные вопросы в области реализации нравственных, этических принципов и норм. В частности, княжеская ветвь Тохтамышевых была, согласно некоторым устным сведениям понижена до статуса уорков.

Неукоснительное следование правилам этикетных норм стоило больших усилий для воинской, рыцарской прослойки общества, представленной князьями и дворянами-уорками. Жизнь адыгской аристократии была усложнена множеством дополнительных правил и норм и отличалась от образа жизни других слоев адыгского общества. Примером могут быть пословицы: *Уэркъ хабзэр дэгъезеигъуэ кӀыхьц*. – «Уоркский этикет – длинный [крутой подъем] подъем [в гору]» [Адыгэ... 1994: 60].

Княжеское звание не могло гарантировать успех и уважение в адыгском традиционном обществе. Статусу князя необходимо было соответствовать, подтвердить свои права честными победами, мужеством, умом, верностью себе и своему слову, величием благородства и справедливости, иначе говоря, строгим следованием кодексу чести «*уэркъ хабзэ*». Э. Спенсер утверждал, князь, который не отличился храбростью и мужеством терял свой авторитет. Только обладая непререкаемыми качествами достойного мужа, он может иметь влияние в обществе и быть почитаемым своим народом [Спенсер 1994: 123]. Это обстоятельство, непременно, нашло отражение и в пословицах: *Пцыгъэ къэзыхьыр – джатэц*. – «Звание князя приносит меч». *ПцыфӀ зӀэм и насытц*. – «Счастлив тот, у кого хороший князь». *ПцыфӀыр зекӀуэ гъусэниэм зы лы гъусэц* [Адыгэ... 1994: 59]. – «У хорошего князя, одного отправляющегося в набег – есть один муж-спутник» – имеется в виду князь – отменный воин, поэтому его «второй спутник» – это храбрость и мужество, воинская доблесть. *Зи фыз зыцӀыгъуэ зышыркъым, зипц и гъусэ шы-нэркъым*. – «Тот, у кого в спутниках жена – не скучает, а тот, у кого в спутниках князь – не боится» [Гутова 2006: 33]. Это указание на то, что в любом трудном деле князь/уорк берет на себя более сложную миссию, выступает как покровитель своего спутника, но не как потребитель.

Адыгский князь и уорк без жажды славы и абсолютного авторитета в обществе не видел своего существования. Он отчаянно стремился проявить себя в

испытаниях и завоевать репутацию храброго рыцаря. «... За это одно слово [«храбрый»] они [черкесы] идут навстречу верной гибели!» – отмечает Хан-Гирей [Хан-Гирей 1989: 238].

Для адыгской аристократии отступление от предписанного нормативным кодексом *уэркъ хабзэ* принципа верности данному слову, могло быть фатальным. Князь или уорк, нарушая клятву или данное им слово, подвергал себя большому риску, от лишения наследного сословного статуса, вплоть до остракизма или даже продажи в рабство. Например, заключение союзов и договоров между князьями или их доверенными лицами считалось священным. По свидетельству Э. Спенсера тот, кто нарушал народный мир, отступая от данной им клятвы, нес наказание в виде тяжелых штрафов, эквивалентных тяжести преступления. При отягчающих обстоятельствах нарушителя продавали в рабство, так как он считался человеком не верным своей клятве и недостойным жить на родной земле [Спенсер 1994: 125].

Незыблемым правилом для аристократических сословий считалось неразглашение чужой тайны. Известны случаи, когда адыгские воины-рыцари, не смея переступить этот принцип, навсегда покидали родные земли. Самым ярким примером может быть поступок героя песни о Гудаберде, который вынужден был покинуть родину, чтобы не выдать тайну убийства князя. Этот принцип нашел воплощение также в пословице: *Адыгэл хашэркъым*. – «Адыгский мужчина тайны не разглашает» и *Уэркъ хашэркъым*. – «Уорк тайны не разглашает».

Также для адыгской аристократии обязательными были тонкое знание и строгое соблюдение правил гостеприимства. Высокая степень значимости института гостеприимства в ценностных ориентирах адыгских воинов находит подтверждение в пословице: *У кого нет кунацкой, тот не уорк* [Кабардинский 1936: 36].

2. Пословицы, определяющие статус и личные качества адыгской феодальной знати

В системе адыгского мировоззрения высокую оценку имела не только способность аристократии строго следовать правилам и нормам этикета, но и умение вести себя в обществе, изысканность манер, которые выделяли и возвышали представителей аристократических сословий, что и объясняет существование пословицы «Уорка в навоз посадишь, и то узнаешь». «Черкесский дворянин, – отмечает Н. Дубровин, – бравировал своею вежливостью, и стоило только разгорячившегося узденя, забывшего приличие и вежливость спросить: ты дворянин или холоп? чтобы, напомнив его происхождение, заставить его переменить тон из грубого в более мягкий и деликатный» [Дубровин 1991: 177].

Знаковым обозначением принадлежности к более высокому качественному уровню в самых различных сферах его проявления был символический эпитет *уэркъ* – «дворянский»; *уэркъ къафэ* – «уоркский танец»; *уэркъ шы тесыкIэ* – «уоркский способ держаться в седле»; *уэркъ пыIэ* – «уоркский головной убор»; *уэркъ лэкъум* – «уоркские лакумы» [Бгажноков 1983: 56].

Символический эпитет *уэркъ* – «дворянский» употреблялся даже в обозначении физических характеристик. Тонкий стан, прямая осанка, красивое телосложение и даже красивые маленькие руки, сравнивались и уподоблялись к высшим слоям общества: *Iэ цIыкIу, гуацэ Iэ нэхъей* – руки маленькие, как у княгини; *Iэ дахэ, гуацэ Iэ хуэдэу* – руки красивые, как у княгини. *Iэпкълъэпкъ дэгъуэ – гуацэм хуэдэу* – статная, как княгиня; *Iэпкълъэпкъ заныцIэ – гуацэм ещхъу* – осанка, тело прямое, как у княгини; *Уэркъ хуэдэу пкъы ихъащ* – фигура, стан точеный, как у уорка; *Iэпкълъэпкъ псыгъуэ – пщым, лIэкъуэлIешым хуэдэу* – тонкий, как князь, дворянин.

Высшая степень проявления понятия «уравновешенность» – «зэпIээрыт» стал эпитетом соотносимым с принадлежностью к аристократическому сословию. Это понятие имело смысловое значение «спокойствие», «последовательность

в действиях», «достоинство»: *хьэлыфIэ, хьэл дахэ щIыкIафIэ, Iэсэ* – «хорошие манеры», «умение вести себя», «красивое поведение», «воспитанный», «вежливый»: *Гуацэм хуэдэу зэпIэзэрыт*. – «Уравновешена, последовательна как княгиня». *Хьэл дахэ, хьэлыфIэ гуацэм хуэдэу*. – «Характер, поведение красивые, как у княгини». *ЩIыкIафIэ – гуацэм ещхьу* – «Красивые манеры, как у княгини». *Iэсэ, гуацэм хуэдэу* – «Воспитанная, как княгиня».

В аристократической среде употребление в речи непристойных, грубых выражений попросту не допускалось. Адыгский князь или уорк не мог себе позволить брань и не терпел ее в свой адрес. Как отмечает С. Броневский, подобного рода выражения оскорбляли честь князей и уорков, за что те могли вызвать на поединок равных себе, а представителей более низших сословий, убить на месте [Броневский 1823: 132]. В подтверждение сказанному можно обратиться к пословице: *Хьэ джафэ банэркъым, уэркъ хьуанэркъым*. – «Гончая не лает, дворянин (уорк) не бранится» [Адыгэ 1994: 61].

В системе адыгского мировоззрения высокую оценку имели такие определяющие качества адыгского воина, как умение достигать своих целей в набегах, где он мог проявить свои наезднические умения и щедрость. Добычу, доставшуюся в набегах, воин-наездник оставлял жителям своего селения, а сам он мог отказаться от своей доли или забрать самую малую часть богатства. Такая установка на щедрость и сложность ее выполнения нашли отражение в пословицах: *Уэркъ щауэ унагьуэр цэ мэщIагьуэри, цэ мэунэ*. – «Семья дворянина трижды беднеет и трижды богатеет». *Уэркъыр цэ Iэбэгьуэщ*. – «Дворянин-уорк – [делает всего] три действия» [Адыгэ 1994: 60].

Таким образом, одним из приоритетных качеств адыгской аристократии выступает щедрость, о чем свидетельствуют пословицы: *Цыхум я нэхь лъанIэр жумарт пэжщ*. – «Самое ценное в человеке – благородная [букв. честная] щедрость». *Хьэлэщ, пицы махуэм хуэдэу*. – «Щедрый, добрый, великодушный как верховный [букв. солнце-князь] князь» [Шьыпкъишгьэхэр 1999: 54].

Пословицы отражают общественное признание таких качеств адыгского воина-рыцаря как красноречие, умение ясно и убедительно, выражать свою мысль. Эти качества в дворянской среде были настолько значимы, что приравнивались к умению владеть оружием, например: *Уэркъым и жьэ и джатэщ*. – «Рот уорка – его меч» [Адыгэ 1994: 60].

Одним из эталонных качеств адыгских воинов-рыцарей выступает способность к сдержанности в удовлетворении плотских потребностей. Высокая степень проявления этого качества в пословицах выступает как черта, характеризующая адыгского аристократа: *Пицы и шхын къанжэ къекIэцI*. – букв. «Еду князя сносит сорока». Имеется в виду, князь ест так мало, что это не больше чем снесет сорока (птица). (букв.: Еду для князя сорока сносит). Вариант: *Пицы и шхын шындырхьуом къекIэцI*. – букв.: Еду князя сносит ящерица [Адыгэ 1994: 59].

3. Пословицы, отражающие социально-экономические противоречия и конфликты внутри различных сословий адыгского традиционного общества

Наряду с этим, существовали выражения, наделяющие высокими нравственно-этическими качествами представителей демократических сословий, в частности свободных крестьян: *ХьэлыфIэ, лъхукьуэщцауэ хуэдэу*. – «Хорошие манеры, как у крестьянского юноши, парня».

Это объясняется духом соперничества свободного крестьянства с представителями аристократических сословий. Свободные крестьяне, убежденные в лучшем знании и соблюдении адыгского этикета, настаивали на «адыгском», более древнем происхождении своих родов, подчеркивая иноземное происхождение аристократии. Свою роль сыграло и то обстоятельство, что основная часть

воинской дружины князя составляли дворяне-урорки третьей степени – *уэркъ цауэл гъусэ*, происходившие из среды свободного крестьянства.

Будучи, прежде всего, воинским сословием, защищавшим во внешних войнах интересы всего народа, а также интересы феодалов в их междоусобных распрях, адыгские князья и уорки выработали свой особенный, воинский в своей основе кодекс идеального поведения, которая отличалась особой изысканностью. Н. Дубровин не раз отмечал, что известность и слава – лучшая награда переносимых трудов для адыгских воинов. Однако, одержимость к славе, фанатичное стремление к признанию общества, не давало нужного результата и приводило к полной противоположности.

Отражением недоверия к аристократической верхушке, порожденного его двойственной нравственной природой явились пословицы: *«Хъанхэ ящыщыц» жыпгэу хуэмыфаицэ тцгэ хуумыщгэ*. – «Он из ханов» говоря, неподобающих почестей не оказывай [Адыгэ 1994: 61]. *Пицы зи щыпэлъагъум тхэ флюцгэ*. – «Тот, кто впервые видит князя – думает это бог» [Адыгэ 1994: 59]. *Ахъшэ илэмэ делэмэ тшыц*. – «Если есть деньги и дурак – князь» [Адыгэ 1994: 52]. *Пицы гумахуэ нэхэрэ жылэ гумахуэ*. – «Чем красноречивый князь, лучше красноречивые жители (люди)» [Адыгэ 1994: 59]. *Уэркъыжърэ дыгъужърэ*. – «Что уорк, что волк». (*Дыгъужърэ уэркъыжърэ*. – «Что волк, что уорк»)). *Уэркъыжърэ бълым цигъуэтым цопсых*. – «Уорк спешивается там, где находит скот» [1: 60]. *Пицы бзэджэжърэ хэрэмшихц*. – «Злобный князь – непорядочный (присваивает себе лишнее)» [Адыгэ 1994: 59]. *Бжыххэпэ уэфгэ пицы гупэфгэгурэ дзыхэ яхуомыщгэ*. – «Не доверяй хорошей погоде ранней осенью и улыбке князя» [Адыгэ 1994: 53]. *Уити хэхуэгъу-щыхуэгэ умыщгэ*. (*Пица къуитыжынукъым – жыхуицэ*). – «Своему князю ничего не занимай» (То, что взял у тебя не отдаст – имеют в виду). *Уэркъыкгэм пцгыкгэ и ныкъуэц* – (букв. *хвост уорка*) – *Уорк – наполовину из лжи [состоит]* [Адыгэ 1994: 60].

Гораздо позднее появились и пословицы, отражающие мировоззрение аристократической верхушки, которые явились следствием обострения сословных взаимоотношений в результате социально-экономического неравенства. Пшитль скоро падает духом и также зазнается. Посадишь пшитля на коня сзади – пшитль тебя из седла выбросит. Глхукоглу дашь одного вола – так он: «Давай другого!». *Пицылгэр гэтщыккэккэ гээщ*. – «Раб умеет заставлять работать рабов» [Кабардинский 1936: 33].

Тем не менее, следует заметить, что в начале XIX в адыгском обществе не было глубоких социальных противоречий о чем свидетельствует Тебу де Мариньи, который отмечает, – «... Будучи мало в чем отличными от остальной части нации, они [князья] не испытывают стремления подчинить ее себе» [Тебу де Мариньи 2006: 297].

Князья и владельцы, составлявшие феодальную правящую элиту адыгского общества, выработали особые воинский по своей сути, и, одновременно, светский кодекс правил поведения, взаимного обращения, опирающийся на целую систему нравственно-этических и философских ценностей, служившие стержневым организующим элементом образа жизни адыгских военно-аристократических сословий. Выявление мировоззренческих и нравственно-этических норм адыгэ (уэркъ) хабзэ – адыгского (дворянского) этикета, представил установки и правила взаимного общения, способы и формы их реализации, тем самым, позволив представить модель особого, специфического образа жизни военно-феодальной верхушки, представлявших собой военную и духовно-нравственную элиту адыгского общества.

Источники и литература

1. Адыгэ псалъэжърэ / зэхэз. Гьукгэмыху А., Къардэнгъуцгэ З.; пэублэ псалъэ Шортэн А. Налшык: Эльбрус, 1994. Н. 223 (Адыгские пословицы / сост. А.М. Гукемух, З.П. Кардангушев / вступ. ст. А.Т. Шортанова. Нальчик: Эльбрус, 1994. 223 с.).

2. *Бгажноков Б.Х.* Очерки этнографии общения адыгов / Б.Х. Бгажноков. Нальчик: Эльбрус, 1983. 229 с.
3. *Броневский С.* Новейшие географические и исторические известия о Кавказе: в 2 ч. Ч. 1 [Электронный ресурс] / С. Броневский. М., 1823. 385 с. Режим доступа: <http://www.runivers.ru/lib/book3109/9780/>
4. *Вопросы кавказской филологии.* Нальчик: Редакционно-издательский отдел ИГИ КБНЦ РАН, 2019. Вып. 12. С. 59–65.
5. *Гутова Л.А.* Адыгские пословицы и поговорки: ситуативный контекст, функционирование / Л.А. Гутова. Нальчик: Полиграф сервис и Т, 2006. 42 с.
6. *Дубровин Н.* Черкесы (Адыге). Материалы для истории черкесского народа / Н. Дубровин. Нальчик: Эльбрус, 1991. 416 с.
7. *Кабардинский фольклор* / общ. ред. Г.И. Бройдо; ред. Ю.М. Соколова; вступ. ст., коммент. и словарь М.Е. Талпа. М.–Ленинград: Academia, 1936. 650 с.
8. *Мариньи Тебу де.* Поездки в Черкесию / Тебу де Мариньи. Нальчик: ГП Республиканский полиграфкомбинат им. Революции 1905 г.: Эль-Фа, 2006. 208 с.
9. *Спенсер Э.* Путешествия в Черкесию [Электронный ресурс] / Э. Спенсер; предисл., пер. и коммент. Н. Нефляшевой. Майкоп: Адыгея, 1994. 153 с. Режим доступа: <http://pandia.ru/text/77/156/24240-2.php>
10. *Хан-Гирей С.* Черкесские предания / Хан-Гирей С. Нальчик, 1989. 350 с.
11. *Шъыпкъышъэхэр* / вступ. статьи, подгот. текстов, коммент. Р.Б. Унароковой. Майкоп: Адыгея, 1999. 92 с. [Сто истин / вступ. статьи, подгот. текстов, коммент. Р.Б. Унароковой].

THE MORAL-ETHICAL CODE OF THE UERK KHBZE IN ADYG NATIONAL APHORISTICS

Hagozheeva Liana Slavovna, junior researcher of the Adyghe folklore sector of the Institute for the Humanities Research – Affiliated Federal State Budgetary Scientific Establishment «Federal Scientific Center «Kabardian-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences» (IHR KBSC RAS), liana1771@mail.ru

At the present stage of development of folklore, the problem of examining proverbs in the context of its interaction with the phenomena of traditional culture, as a form and method of implementing the basic ideological attitudes of the people, is becoming increasingly important. In folk aphoristics, the moral and moral experience of the people is presented in the expressive artistic verbal form characteristic of folklore. Easily remembered due to strict sound organization, expressiveness and figurativeness, moral formulas and recommendations contained in proverbs and sayings are especially relevant now when, against the background of the moral decline of the past decades, an interest in reviving the best traditions of folk culture is awakened.

The task of this work is to draw attention to the positive moral and ethical attitudes, ideological principles underlying the way of life of the Adyghe military aristocratic estates.

The study takes into account the genre properties of the proverb: polysemy, dependence on the situational context of use, as well as the methods and forms of translating worldview information into them. The focus is on the forms of artistic reflection of the noble moral and ethical code of wind habze in proverbs and sayings

Keywords: folklore; proverbs; sayings; Adyg feudal society; moral and ethical principles and norms.

DOI: 10.31007/2306-5826-2019-3-42-216-222